

свободная газета свободных поэтов

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

АНДРЕАПОЛЬ • ПЕНО • ТОРОПЕЦ • НЕЛИДОВО • БЕЛЫЙ

ПАМЯТИ ВЕНИАМИНА ФЛЕЙШМАНА

Отобрать желая нашу волю
Топчет землю вражеский сапог,
Родине сегодня очень больно,
Встали на защиту все, кто мог.

Отстоять бы Волгу и рассветы,
Даже клич не нужен по Руси,
В бой шли земледельцы и поэты,
Бились инженеры и юнцы.

Странно на войне и непонятно,
День и ночь со всех сторон слышны
Чуждые для уха музыканта
Страшные мелодии войны.

Позабыты пьесы и кантаты,
Звучны стоны раненых в бою,
Воют самолеты и снаряды,
Пули омерзительно поют.

А одна из них нашла солдата
И оборвала все голоса,
И стреляла скрипка пиццикато,
И душа летела в небеса.

ПРОШЛОЕ

А дом меня уже не ждал,
Не щурил старых глаз оконных,
Бурьян, пырей и лебеда
Хранили путь к его покою.

От посторонних глаз укрыв,
Трава забила наши корни
И с потерявшейся поры
Дом бабушки меня не помнит.

Нет во дворе ничьих следов,
Неясно, как спуститься к речке,
От испытанья пустотой
Утрачен век его безгрешный.

Возможно, пробежит не год,
Но не вернуться к дому весны
И новый люд сюда придет,
И наша память оборвется.

*Александр Коган,
Бежецк*

Черёмуховые холода

*Опять весной похолодало,
Опять черёмуха цветёт,
В остывшем воздухе устало
Волна предчувствия плывёт.
И куст черёмухи лохматый
Теплом весенним не согрет,
С ветвей роняет виновато
Он, словно слезы, белый цвет.*

Черёмуховые холода, они самые в разгар майских дней «сердцу шлют остуду». Да весна нынче и не радовала ни теплом, ни цветением, запоздала. Зато согрело душу вот это стихотворение Людмилы Кузнецовой, которое прочла Анна Коновалова, работающая в Нелидовской библиотеке. Видео сняла и выложила библиотека города Нелидово.

Совсем недавно стихийный стихотворный марафон «Лирика вне карантина» в соцсетях был организован библиотекой Андреаполя. Люди разных возрастов, профессий, социальных статусов с удовольствием читали стихи. Были среди них и поэты, представившие своё творчество, и любители поэзии, живущие в разных местах: от западной зоны нашей области до Великих Лук и Зеленограда. Слушая эти чтения, приятно было сознавать, что не хле-

бом единым живы наши люди, не застили им свет при сегодняшней жизни ни рубль, ни доллар. Сердца их по-прежнему не чужды поэзии. И коль нет возможности собраться тесным дружеским кругом, дотронуться до руки единомышленника, задать свои вопросы, что-то обсудить, на время подойдёт и Интернет, хотя живого общения не заменит.

И вот странно, стихотворение Кузнецовой, казалось бы, грустное – несёт в души покой.

*Неволишь в памяти проснуться
Того, кого я так ждала.*

*А он ушёл, чтоб не вернуться
Когда черёмуха цвела.*

Выходит, таково действие искусства: излить свою печаль, чтобы поделившись ею с читателем, освободить от боли и грусти и себя, и разделивших авторские чувства. Людмилы Кузнецовой нет уже на земле, а стихи её сегодня оказались так к месту.

М. Петрова

На снимке: поэты «Западного форпоста» на Каблукском фестивале (справа Л. Кузнецова).

Юлия Рыжова,
п. Бологово

Юлия Викторовна Рыжова родилась в п. Бологово Андреапольского района Тверской области 30 ноября 1978 г. Закончила 11 классов Бологовской СОШ, в которой впоследствии проработала 11 лет. Образование: Тверской государственный университет. Живет и работает в родном посёлке Бологово. Очень любит природу своего края, которая вдохновляет ее. Шум и суета большого города не для Юлии.

* * *

Знакомый мой – педант до мозга кости.

А я ему завидую порой.

Как может он без усталости и злости
Страдать, как я считаю, ерундой?

Шнурки наглажены, прочитаны
законы,

По распорядку день – система
бытия.

Хорош, и не хватает только трости...
Педант во всём. Совсем не то, что я.

24 СЕНТЯБРЯ

Ни облачка на небе, что за чудо?

Толкутся комары под вечер за
окном...

И дождик был, и снег. Но вдруг, как
ниоткуда,

стр. 2

Пахнуло ностальгическим теплом.
Короче день, разъехались соседи.
Томясь, антоновки вдыхаю аромат.
Защемит сердце. Разум будто
бредит:

Ну вот ещё один мерцающий закат...
Восторг весны остался позади,
И промелькнуло с кутерьмой лето.
Вновь осень в душу пристально
глядит.

И песня года до конца не спета.
А на душе надрывная тоска.
Да, осенью всегда острее чувства.
И кажется, что ты живёшь века,
Которые идут, бегут, несутся...
А хочется так многого успеть:
Увидеть, сделать, написать,
раскрыться.

Но песен всех, увы, не перепеть,
И времени придётся покориться.
А потому лови осенний луч,
Вдыхай всей грудью вечер
уходящий.
И пусть сегодня будет не уснуть...
Запомню день: красивый,
настоящий.

* * *

Мне хочется забыться,
Уйти на пять минут.
Так в небе заблудиться,
Что больше не найдут.

Уйти туда, где не был
Бездумный человек.
И слушать только небо
Да шум прозрачных рек.

От ветерка проснувшись,
Качнётся море трав.
В нём солнце, улыбнувшись,
Забудет свой рукав.

Но я проснусь. С улыбкой
Узнав знакомый звон,
Прозрачной тонкой ниткой
Свяжу я жизнь и сон.

ВЕСНА

Солнца луч заиграл на ресницах,
Тёплый ветер ласкает простор.
И пернатое племя ревится,
Собираясь на праздничный хор.

Тает грусть, и тоска убегает
В мутных каплях растаявших слёз.

И Ярило Весну пробуждает,
Прогоняя печали мороз.

МОЕЙ РОССИИ

(навеяно девяностыми)

На перепутье двух дорог
Чего молчишь, Россия?
Стоишь без шубы и сапог.
Где мощь твоя и сила?
В глазах, невидящих от слёз,
Бессилья боль тупая.
Стоишь, не чувствуя мороз,
Молчишь, пути не зная...
И стаей вороны вокруг
Тебя, крича, кружатся...
Но мы их всех переживём.
Пускай не веселятся!

* * *

Жизнь обман из бессмысленных
слов,
Слёз обиды и мелких радостей.
Ложь рассудка – мечты и любовь –
Ржавый щит от цинизма и зависти.

Хорошо, повитав в облаках,
Возвратившись на землю грешную,
Звёздным блеском слезы в глазах
Тьму души покрывать кромешную.

Верить в глупости, песни петь
И смеяться, когда не хочется,
Кем-то жить и его терпеть,
От бессонницы ночью корчиться.

Но сменяя мечту мечтой,
Говоря, как нам жизнь постыла,
Не спешим мы играть с судьбой –
Нам страшнее всего – могила...

С высоты полёта...

Что есть любовь, разбитая о быт?
Все кисти с полотном в углу засохли...
А сердце даже больше не болит.
Да рукавом давно утёрты сопли.

Надев очки, всё чётче – пелена
Упала с глаз. Картинка не лагает.
Стакан вина – энергии на час.
Душа моя спокойно отдыхает.

Всё, что вокруг – проблема
воспрятья.
А воспрятье сам себе настроишь,
Когда весь мир раскрасишь под
себя...
А не сумеешь – ничего не стоишь.

Екатерина Позднякова
г. Тверь

Старик подкинул полено в топку, устало опустил на стоявший рядом сундук с дровами и вытряхнул остатки табака из трубки в ведро с золой. Рука застыла на полпути к карману, Старик задумался на мгновение, но все же достал самодельный домотканый кисет, который сшила ему его Старуха на прошлый день рождения, и стал заново набивать трубку, аккуратно укладывая табак слоями. Сколько же ему исполнилось тогда, в прошлом году? Однажды, зим этак 5–7 назад он сбился со счета, и с тех пор знание о возрасте утекло от него так же, как утекли и все прошедшие годы. Старуха же принципиально не считала свои лета, утверждая, что слова «преклонные» вполне достаточно для их характеристики.

Запалив табак лучинкой и проверив, хорошо ли тянется трубка, Старик нехотя поднялся, но, постояв с полминуты, открыл заслонку и опустил обратно на сундук. Решил, что скотина может подождать еще немного, пока он неспешно плывет по волнам своих мыслей и воспоминаний.

Раннее осеннее утро было наполнено самыми разнообразными звуками: в сараюшке у дома беспокойно переговаривались куры, тихонько мычал спронушка теленок, а за печкой со стороны кухоньки хлопотала его Старуха – замешивала тесто на пироги, грела воду на чай, тихонько напевала что-то задорное с вкраплениями нецензурных слов. Всё как всегда, и это успокаивало. Чем ближе был день его ухода, тем сильнее Старик держался за привычные, знакомые вещи, чураясь всего, что вносило в их бесхитростный уклад жизни беспокойство и неразбериху.

Вышние силы (а в том, что какие-то

Старик со Старухой

вышние силы все-таки есть, Старик был уверен, пусть и не знал их имён) не дали им детей, и со временем старики смогли убедить себя в том, что это к лучшему. Ближайшая школа – деревянная, двухэтажная, с собственным скромным огородиком, – в которую ходила еще Старуха маленькой девочкой, была за одиннадцать верст от деревни. Чтобы успеть к началу занятий, ребягня тогда выходила чуть свет. Учились, в основном, летом, поскольку зимой зачатки проселочной дороги пропадали под толстыми упитанными сугробами. Да и то сказать, летом-то тоже далеко не все ходили за знаниями – слишком много работы было в поле и по дому.

Старик задумался, а есть ли еще та школа, стоит ли по сей день. Сам он был неграмотным, но прекрасно помнил, что был еще в расцвете сил, когда последний ребенок, выросший в деревеньке, эту самую школу закончил – соседский сынок, как бишь его звали... Старик вздохнул. Всё-таки не так уж и прекрасно помнил, раз даже имени припомнить не смог.

– Старуха! – гаркнул он добродушно.

– Чего еще? – отозвалась та из-за печки.

– Как звали сынка Трофима?

– Которого? У него их двое было.

– Да младшого.

– А, так Иван вроде.

Точно, Иван. Такого простого имени и не упомянул. Старик усмехнулся в седую бороду и продолжил посасывать трубку и размышлять. Да, и вскоре этот самый Иван укатил в город, поступать в институт, да так и не вернулся больше. Старший Максим уехал еще лет за пять до Ивана, к нему тот и подался. Первое время письма слали, Трофим все за ними ходил на почту в то же село, где была школа, зачитывал письма вслух всем желающим послушать о городской жизни. Но прошел год, другой, и Трофим все чаще он возвращался с почты с пустыми руками, а потом и вовсе ходить перестал. Говорил, что силы уже не те, а еще с хозяйством управляться нужно, а он тут прогуливается до соседнего села и обратно. Старались Ивана и Максима в разговорах не упоминать, все уже вроде как и запомнили о том, что у Трофима были сыновья. Кроме, пожалуй, самого Трофима, который наверняка до сих пор надеялся, что кто-то из них вернется.

– Нет, не нужно нам этого, – сказал Старик вслух.

– Чего не нужно-то, старый? – тут же послышался приглушенный голос Старухи, месившей тесто.

– Да ничего-ничего, ты меси-меси, – ответил Старик. А про себя подумал, что переживаний им этих не нужно. Вырасти дитё, выучи, чтобы оно потом вот так вот взяло и сбежало? Нет, им и вдвоем со Старухой хорошо. О том, что кто-то из них очень скоро может остаться один, он старался не думать. Для себя он ре-

шил, что если в одиночестве останется он, то все решит просто. Перестанет есть и пить, и дело с концом. Скотину отдаст Настасье и Ярославу, они еще ничего, крепкие, долго продержатся. У Ярослава вон еще почти все зубы даже на месте. Старик в задумчивости пересчитал языком остатки своих зубов, вздохнул, встал с сундука, крякнув от напряжения, накинул рваную фуфайку и пошел в сараюшку заниматься скотиной.

Когда запыхавшийся после тяжелой работы Старик вернулся на кухню, дрова в печи уже почти прогорели, и он закрыл заслонку. Не такие еще холода, чтобы топить целый день, а дрова с каждым годом достаются всё сложнее. Повесив фуфайку на крючок, он прошел за печку, где Старуха как раз снимала горячие ароматные пироги с противня.

– На вот, молочка к пирогам. Да и каши можно бы сварить. Тыквенной. – Старик поставил крынку с парным молоком рядом с печкой и сел за стол. Старуха налила молока в глиняные чашки с растрескавшейся эмалью, и, присев рядом, положила на отдельную тарелку пирогов, а остальные накрыла льняным полотенцем. Старику нравилось, что она всегда садилась не напротив него, не сбоку, а именно рядом. Конечно, какая там любовь, столько лет вместе, уже и счету нет, но ему было приятно, когда Старуха присаживалась рядышком – иногда она гладила его по лысой голове с тремя седыми волосами, иногда он брал ее за морщинистую руку, изборожденную венами, иногда просто придвигался друг к другу так, чтобы касаться плечами. Вот и сегодня, Старуха провела ладонью по лысине Старика и вложила ему в руку остывающий, но все еще горячий пирог с вареным яйцом и капустой.

– Сегодня мои любимые пироги, спасибо тебе, Старуха, порадовала!

– Да ладно, чего уж. И кашу тебе сегодня тыквенную состряпаю. Ты только воды из колодца в баню натаскай, надо бы постирнуть.

– Сделаем, о чем разговор, – ответил Старик, запивая заживо проглоченный пирог парным молоком и подмигивая Старухе. – Сейчас натаскаю, а потом пойду к Ярославу, он обещал с дровами подсобить. Вроде как в соседнем леске за рекой сухостоя нынче много. У него и пила получше нашей, а я ему топор одолжу. На две семьи, поди, заготовим, а у Трофима еще с прошлого года поленица почти цела, чего ему одному-то...

– Ты погоди, погоди, – перебила его Старуха, широко открывая подслеповатые глаза и поднимаясь со скамьи. – Вы что это, в лес за рекой собрались?

– Ну... – отвел глаза Старик, – А что делать прикажешь? В нашем уже рубить нельзя, иначе совсем полысеет, хоть и

стараемся мы деревца высаживать, но это дело времени требует, чтобы повзросло. А сухие мы еще в прошлом году оттуда все вынесли, в этом особо и не появилось ничего.

– Нет, так дело не пойдет. Может, поговорить с Трофимом, поделится он с нами в этом году, а в следующем уже видно будет?

– Да какая разница, – в сердцах махнул рукой Старик. – Все равно туда идти придется, ничего не попишешь.

– А Ярослав, он-то откуда знает, что там сухостоя много?

– Да был он там, еще весной. Один ходил втихую, чтобы Настасья не прознала. И мне тебе говорить не нужно было! Вернулся же, и все с ним в порядке!

– Даа, сейчас в порядке, а потом будет не в порядке. И вот то-то и оно, что втихую ходил, а вы туда пойдете дрова пилить да рубить, шуму разведете, лесники заметят или еще кто, – старуха утерла слезу, внезапно появившуюся на морщинистой, как запеченное яблочко, щеке. – Или забыл уже, что с Клавдией, женой Трофима, приключилось тогда?

– Как же не помнить... Вовек этого не забуду, – пробурчал Старик

– Вот! Может, и не зря там этой оградой обнесли. Не прижиться нам там, ни за что не прижиться! Чего ее туда, спрашивается, понесли? За забор-то этот проклятый?

– Почему мне знать? – вскочил расстроенный дед. – Я уж через заборы сигать не собираюсь!

Тут Старуха уронила вторую слезу, и он смягчился.

– Ну ладно тебе, чего ты разошлась. Зиму-то нужно как-то пережить. Или лучше замерзнуть?

– Может, лучше и замерзнуть, – совершенно серьезно сказала Старуха, не глядя в его сторону, и начиная убирать со стола. – Иди уж. Воды принеси.

– Да, иду-иду...

Старик накиннул фуфайку, нашарил в кармане трубку и кисет, и вышел в сени, пустив в дом стлого воздуха. Старуха посмотрела на закрывшуюся дверь, нашарила сзади рукой скамью, тяжело опустилась на нее и заплакала.

– Эге, есть кто дома? – Старик, преодолев скрипучие ступени покосившегося крыльца с облупившейся зеленой краской, постучал в дверь дома Ярослава и Настасьи. Воды он Старухе натаскал, даже с избытком, но в дом больше не заходил, не хотел ей на глаза попадаться. Да и вода сегодня опять была какая-то грязная, мутная, как после дождя, хотя дождей они уж с неделю не видали, а до первого снега еще далеко. В доме было тихо.

Старик потоптался на крыльце еще

немного, потом открыл дверь и прошёл сквозь сени к чёрному выходу в огород. Все правильно, соседи были там. Пухлая Настасья полоскала молодую картошку в тазу, полным воды вперемешку с землей, и выкладывала ее рядышком на ветхий кусок брезента – сушиться. И правда, день обещал быть ясным. Неподалеку Ярослав плел косы из недавно собранного золотистого лука, крепко, но не слишком туго стягивая луковые «волосы» в прическу и пожевывая краешек потухшей самокрутки, которую на этот раз он, похоже, сделал из тонкого подсушенного листа лопуха – местами она потрескалась и из нее торчал табак.

– Привет, старый, – дружелюбно воскликнула Настасья, первая завидевшая гостя. Откинув тыльной стороной грязной ладони седую чёлку с высокого лба, она подошла к бочке с дождевой водой, сполоснула руки и, вытирая их о фартук, спросила, – Чайку, может, с блинами?

– Спасибо, вот только что чаёвничали со Старухой, но блинов я бы ей передал, коли завернешь.

– Конечно, заверну, да и отнесу сама, у вас же дел сегодня невпроворот, – Настасья неспешно удалилась в дом, оставив недомытый картофель подсыхать на солнышке.

Ярослав поднялся и пожал Старику руку.

– Ну что, как уговорено, идем сегодня за дровами?

– Да, нужно идти, – Старик неуверенно кивнул. – А Настасья что же? Всё знает и такая спокойная?

– Ничего она не знает. Думает, что мы в наш лесок собрались, но ты сам знаешь, что там брать уже нечего. Пила у меня уже подготовлена, топор, вижу, при тебе, – Ярослав кивнул на завернутый в тряпку топор, зажатый в руке Старика. – Предлагаю выдвигаться прямо сейчас. Потому как когда Настасья до твоей Старухи доберется, да та ей расскажет, куда мы идем, нам будет несдобровать. Я ведь правильно понимаю, что ты своей все рассказал?

Старик уныло кивнул.

– Не могу ничего от неё утаивать. Слова прям так и рвутся с языка.

– Я так и понял. Ну чего ж теперь. Соберайся, да пойдём. Лошадку мою с собой возьмём, до реки на телеге поедём, там привяжем, и из лесу будем по мосткам в телегу чурбачки носить.

– Да, хорошо. Только мы это... – Старик замялся. – К забору же не пойдём?

– Конечно. Нечего там делать, далеко туда, да и лес задолго до забора кончается, там еще спуск такой крутой, помнишь?

– Ну да, ну да. – Старик покивал и улыбнулся. – Ладнось, выдвинулись!

Перебравшись в лес через речушку по бревнам, перекинутым с одного берега на другой, Старик и Ярослав огляделись.

– Вон там я заходил. Тут, конечно, и

так лес редковат, но ничего, нам сухого на зиму хватит, – указал Ярослав в сторону тоненькой березки. На стволе виднелась едва заметная зарубка, уже успевшая почернеть с весны. Ставший уже привычным шум на дальнем фоне, который Старик про себя скорее определял, как шуршание, стал ближе. Как будто сквозь горсти сухой осенней листвы на скорости пролетают очень быстрые птички – Вжих! Шурх! Вжих! Старик обреченно вздохнул и обернулся посмотреть на деревенку. Домов много, но почти все стоят нежилые, с выбитыми окнами, провалившимися крышами, заросшими палисадниками. Отсюда три их жилых дома (домишки Старика и Старухи, Ярослава и Настасьи, Трофимову хатку) и не видать вовсе. Прячущся они за скорчившимся, как будто страдающими от артрита, полуразрушенными домами улицы, когда-то бывшей главной. Это и хорошо, это и слава Всевышнему. Если кто из леса выйдет, не заметит и даже не подумает, что деревенка обитаема. Тем более что скотину пасут всегда у другого леска, с противоположной стороны деревни. Испытав от увиденного некоторое облегчение, Старик двинулся вслед за Ярославом в лес. Работа пошла споро, и еще до сумерек у них была уже полная телега аккуратных круглых чурбачков – дрова были загляденье, не гнилые, просушенные, колё да складывая в поленищу.

– Ну что, Старик, – удовлетворенно заключил Ярослав, закуривая свою фирменную самокрутку. – Вот так еще несколько ходок сделаем, и хватит нам на зиму дров. Ежели что, проживем под конец зимы вместе – будем один дом протапливать а не три, всё экономия. Ладно, пора бы и назад, а то скоро темнеть начнет.

– Да, – Старик с тоской посмотрел на зажигающиеся где-то за лесом, но легко угадываемые огни, от которых ему хотелось держаться как можно дальше. – Ты прав, поехали.

Еще на полпути к дому они увидели на лугу запыхавшуюся тучную Настасью, присевшую отдохнуть на пригорке.

– Вот ведь, – с гордостью произнес Ярослав, – не выдержала, пошла встречать. Интересно, правда, как узнала, куда мы поехали. Наверное, на лугу следы колес от телеги увидала. Хорошо хоть, у твоей ума хватило дома остаться.

Как только Настасья оказалась в зоне слышимости, она поднялась и махнула рукой в сторону деревни.

– Да поторопитесь вы, увальни! Я вас полдня искала! Старухе плохо, я за вами побежала, да сил не хватило!

Старик, как молодой, соскочил с телеги и на больных своих ногах что есть силы припустил по скошенному лугу, стараясь следить за дыханием – никому не будет лучше, если его прямо тут хватит удар. Настасья с Ярославом поехали

на телеге, но не спешили, луг не паханный, а вдруг нога у лошади в кротовую нору попадет? Добравшись, наконец, до дома, Старик вдруг понял, что не может даже позвать Старуху. Не столько потому, что запыхался, а в боку колело и глотку жгло огнём, но, в основном, потому что боялся не услышать ответа.

Проковыляв от калитки до дома из последних сил и кое-как преодолев сени, Старик открыл дверь кухни, мельком заметив, что после завтрака Старуха так и не убрала со стола, а молоко, стоявшее у печи в кринке, осталось там стоять и наверняка скисло. Это было совершенно непохоже на обычно царивший в доме порядок.

Откинув занавеску между кухней и единственной комнатой, Старик перешагнул через порог и увидел Старуху, лежащую с закрытыми глазами на кровати поверх лоскутного одеяла. Старик неуверенно подошел к ней, наклонился и послушал дыхание – вроде дышит, причем дыхание отчетливо отдает валерьянкой. Он тронул ее за плечо, легонько потряс.

– Аннушка, я здесь.

Некоторое время Старуха лежала без движения, потом медленно открыла глаза и посмотрела не на Старика а как-то сквозь него, будто разглядывая изразец на той стороне русской печи, что была обращена в комнату. Потом взгляда ее наконец-то сфокусировался, и она прошептала:

– Пришел, старый. А у меня тут сердце прихватило. Если бы Настасья к обеду не пришла с этими блинами, так и лежала бы тут одна. Но ничего, уже почти отпустило. Сейчас я ужин готовлю.

– Да лежи ты, малахольная! Сам я все готовлю, не маленький, – Старик пощупал ей пульс, потом ласково сжал руку Старухи в своей и вышел на кухню как раз в тот момент, когда отворилась входная дверь и зашли Настасья с Ярославом. За спиной у них стоял высокий пышноусый Трофим – наверное, увидел со своего огорода, как Старик бежал домой. Настасья молча прошла в комнату, где, судя по усилившемуся запаху валерьянки, начала поить Старуху отваром.

– Как она? – шепотом спросил Ярослав. Трофим молчал, только сверкал глазами из темноты сенок.

– Ничего, оклемается, – с облегчением ответил Старик. – Вы это, идите домой, а я тут по хозяйству буду. Спасибо.

Настасья на цыпочках вышла из комнаты.

– Уснула. Нечего тут толпиться, – вытолкала она в сени мужиков. Обернувшись к Старикам, добавила, – Там еще отвар остался, как проснётся – дай попить.

– Да, хорошо. Спасибо, – повторил Старик в уже закрывшуюся дверь. Беспомощно оглядев кухню, решил, что сначала растопит печь, а потом уж займется ужином.

Когда прокисшее молоко было поставлено на простоквашу, а из горячей печи уже доносился сладковатый запах тыквенной каши, Старуха медленно вышла из комнаты и, держась за косяк, спросила в темноту:

– Ты здесь?

Из-за печи донеслось утвердительное хмыканье.

– Чего сидишь в темноте?

– А ты чего колобродишь? Валерьянку допила? – Старик вышел из-за печки с лучиной и зажег оплывшую свечу.

– Допила. Я бы поела. Так кашей пахнет, на всю хату.

– Да ты садись, садись, – засуетился Старик, беря ухват. – Сейчас все будет.

– Он достал из печи чугунок с кашей, поставил его на деревянный стол и первым делом наложил Старухе полную тарелку и налил чашку свежего молока из кринки. – Я все сделал, скотину загнал, подоил, на кухне, как мог, убрался, печку вот еще растопил, да. И малины тебе набрал поздней, той, что в углу огорода растёт, – с десяткой ягод лежали на блюдечке с отколотой кромкой, гордо стоящем посередине стола.

– Надо бы почаще мне болеть, – усмехнулась Старуха, дуя на ложку горячей каши. – Смотри, как ты отлично справляешься. А я хоть отдохну.

– Не-не. Ты мне это перестань, не надо, – Старик нервно дернул себя за борду.

– Не надо... – печально повторила Старуха, дуя на следующую ложку каши. – В лесок за рекой тебе ходить не надо, вот что. Если нас тут найдут, то не дадут остаток дней скоротать спокойно, помни мое слово...

– Да не пойду я больше, не пойду. И Ярославу скажу. Может, на самом деле, Трофим с нами поделится. Как-нибудь эту зиму протянем, а там видно будет.

– А сам чего не ешь? – спросила повелевшая Старуха. – Ладная каша получилась, да с медом.

Старик нехотя положил себе пару ложек дымящейся каши.

– Может, погасим свечу? – спросила Старуха, когда каша была съедена, а молоко выпито. – Так посидим.

Старик загасил огарок, но кухня не погрузилась в темноту, как бывает в безлунную ночь, а наполнилась густыми розовато-синими сумерками. Старуха придвинулась к окну и смотрела поверх силуэтов мертвых домов на светлый краешек неба за рекой, за полоской леса. Здесь никогда не бывало темно. Иногда Старухе не хватало темноты, какой она была в детстве, чтобы выколи глаз, чтобы пальцев на руке не было видно, даже если ими прямо перед глазами пошевелишь – настоящей, исходной темноты.

Так они и сидели до глубокой ночи – бок о бок на скамейке. Старуха думала о темноте и о том, что жаль все-таки, что Всевышний не дал им детей. Можно

было бы хотя бы гадать о том, где они сейчас, чем заняты. Может, тоже смотрели бы на это неестественно розовое мутное ночное небо. А Старик думал о том, что больше ни за что не оставит Старуху одну и не пойдет в лесок за речкой. Лучше уж попробовать соседние нежилые домишки разобрать на дрова – доски, конечно, гнилье, но бревна должны быть еще ничего.

Так они и сидели, думая каждый о своем, и друг о друге, и о том, что все, что им нужно для счастья, чтобы в доме было тепло, чтобы скотина была здорова и сами не хворали.

– Ну вот опять ты начинаешь пустые выяснения отношений! – мужчина со злостью надавил на педаль газа. – Ну не пойду я никуда, не пойду, довольна?

– Да не гони ты так! – испуганно вжалась в пассажирское сиденье женщина средних лет в легком осеннем пальто. Морщинки на ее лице еще предпринимали последние попытки остаться незамеченными, но, тем не менее, легко угадывались в уголках глаз и рта. – Довольна, да! – добавила она с вызовом.

В салоне автомобиля воцарилось молчание. Музыки не хотелось, слышно было только, как шины шуршали по гладкому асфальту нового платного шоссе. По сторонам дороги тянулся забор, за которым мелькали остатки частично вырубленного лесопарка, холмы, заросли низких кустов. Даже в сумерках на неосвещенных участках дороги лес местами проглядывался почти насквозь. Женщина поправила воротник пальто и стала смотреть в боковое окно. Ей показалось, что где-то вдали за деревьями проглядывают очертания заброшенных домов, наверное, раньше здесь была деревня. До того, как неподалеку построили аэропорт, новое шоссе, эстакады и сложные петли развязок.

Через некоторое время, не обратив внимания, что произносит свою мысль вслух, она тихо спросила:

– Интересно, там кто-нибудь живет?

– Где? – резко спросил супруг, даже не повернув головы, глядя только на дорогу перед собой.

– Там, – неопределенно ткнула пальцем в окно жена. – Домишки стоят.

– Не говори ерунды. Кто здесь может жить? Ни отопления, ни водопровода, наверняка даже электричество не подведено. А если бы жили, вышел бы неплохой сюжет для очередного глупого ток-шоу, затаскали бы их по телестудиям. Так что лучше уж пусть там сидят себе спокойно. Но я уверен, что развезлись все по городам. Всем хочется комфортной цивилизованной жизни.

– Может, и не всем... – вздохнула супруга и включила радио.

СОБАЧЬЯ ЗАДАЧКА

Я возвращался с работы по утомительному маршруту Лесное – ВДНХ (ВВЦ) – Тушино. Переход с одной линии метро на другую предстояло сделать на станции «Китай-город». Особенность этой станции в том, что если все предыдущие имели платформу слева по пути электрички, то «Китай-город» – справа.

В воскресное утро людей в вагоне было немного. Уже до станции «ВДНХ» возле правой двери лежала собака, уставшая от бездомной жизни и морозов. Скорее всего, это была овчарка с небольшими примесями. Ворочалась, перекадывала лапы – видно, бомжовская жизнь в непогоду этих дней (крещенские морозы) у неё была особенно трудна.

Когда поезд тронулся от остановки «Кузнецкий мост» и последовало объявление диктора о том, что следующая остановка – «Китай-город» с платформой справа, произошло нечто неопишное в современных теориях поведения животных.

Сразу после объявления собака с тяжелым вздохом встала, перешла к левой двери и снова улеглась. Восхищенный смех немногочисленных пассажиров говорил об одном: все поняли надживотное поведение собаки, неизвестным образом вникшей то ли в ситуацию, то ли в смысл объявления. Восхищение, удивление и сострадание в считанные минуты объединило случайных попутчиков. В поведении собаки обнаружилось что-то более умное, чем сигнальные системы, выделенные в лабораторных испытаниях...

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

ШАПКА

Апрельская погода капризная. Прежде чем выйти на прогулку, смотрю в окно (с третьего этажа) – примечаю, кто как одет... Вот женщина в плащике пробежала, прошла девушка с собачкой – в тёплой куртке, а парень – в джемпере, но в бейсболке. Ну не пойму, как тут ориентируешься. Переверла взгляд вдаль. О! Мужик в белоснежно-мохнатой ушанке топает. Ничего себе утепился! Уши в шапке болтаются в такт шагам, козырёк приспущен. На плечах – поношенная куртяшка. Ишь, как голову бережёт – подумала я, прикидывая, чем бы и мне свою прикрыть от весеннего ветра. А мужик уже под самыми окнами оказался. Присмотрелась пристальнее. Тьфу! Это ж не шапка у него, а целая копна давно нестриженных ослепительно-седых волос! Да-а-а... тут головной убор явно будет лишним. А я, пожалуй, беретик на свою головушку всё же пристрою. Растительности на ней – не в пример удивительному прохожему. Маловато. Да и ветерок ещё прохладный.

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

Вишен кипение. Домик на взгорке.
Аист кружит над заросшим прудом.
Ветер колышет оконные шторы.
Всё как положено. Всё чередом.

Поле заманит по тропке игривой
В тайну, которую нам ли не знать.
Облако-лошадь с косматою гривой
Силится на небе солнце догнать.

Как же вписаться в идиллию эту?
Поезд случайный. Последний вагон...
Нас неприкаянных носит по свету,
И нескончаем, увы, перегон.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

Я некрещеною умру,
Святых даров не удостоюсь,
Но прежде доживу в миру,
Где святость и поганство – все есть.

В нем место злу и волшебству,
В нем радость ходит под бедою.
Лишь этот мир я назову
Своей счастливою звездою.

В нем теплота и дружба есть,
И суд и кара лиходею...
Любите – здесь, цените – здесь,
На жизнь вторую не надеясь...

*Лидия Гроздова,
Нелидово*

Не впервой

В этой душевной пустыни –
ни словечка,
Слово – не бог. О, Господи,
не прости!
Временной мне не думается
о вечном,
Вырос герой, отчаявшись дорости,
Дети переросли, подрастают внуки,
Не до геройства тут. Сохрани, спаси!
Скука заброшена –
радостям не до скуки,
Ноша своя не тянет, взвалил – неси.
Шаг по прямой, а два то – наверх,
то – влево,
Прелюбопытством сбита порой с
пути.
Помнится, так же было
с глупышкой Евой –
Вроде, дары-то даром, а заплати.
Вот потому и пусто. Нутро иссякло –
Весело разбазарено (вой не вой!)
Только внутри мерцает надежды
капля –
Пустынь селить по-новому. Не
впервой.

*Надежда Веселова,
Старица*

Ночью полупростывшей
Серый осипший дождь
Точит на дачной крыше
Когти. Больная дрожь
Вдруг проберет пролесок,
И затаится в нем.
Каждый оттенок – весок.
Каждый пустырь – объем.
Сердце не будет мудро,
Сколько ему ни стыть.
Хочется, чтобы утро
И чтобы утром – ты.

*Виктория Исаева,
Тверь*

Вася пил уже трое суток...

Елена Ахременко

Внимание: конкурс!

Пил просто воду. Еды в его мисках уже не было несколько дней. Да и воду никто не наливал. Пил из раковины в ванной комнате. У хозяина руки не доходили починить кран. Это определенно было большим минусом среди других в его списке, но в данной ситуации спасало Васье жизнь.

Сам хозяин Пашка лежал среди пустых бутылок, окурков и прочей грязи на полу. Картина, прямо скажем... Нет, не скажем. Лучше промолчать....

Причиной такого «безудержного веселья» в груди выпитых бутылок водки был окончательный уход жены из дома. Татьяна, жена Пашки, конечно, не раз пыталась напугать мужа тем, что бросит его, уедет вместе с детьми жить к маме, но возвращалась, выслушав очередные обещания мужа не пить. Не пить это «злосчастное пойло» – так Пашка его называл, когда хотел вернуть свою Таньку.

Правда, Танькой она была для него только по пьяни. Еще и Дура. А когда Паша был трезв, его жена и слова грубого не слышала. Пашка был заботлив, добр и внимателен. Видимо, это и держало Татьяну с ним. Много было хорошего в Пашке. Но водка, это злосчастное пойло, перечеркивало все.

Татьяна ушла, оставив все в доме. Вероятно, не хотела брать с собой хоть что-то из прошлой жизни. Кот тоже остался с хозяином. Васька в

первый же день съел все, что оставила ему Таня. Вода в миске закончилась на вторые сутки. Кот, конечно, давал понять хозяину, что пора бы накормить животинку. Но Пашка был в ауте, беспощадно заливая свое горе водкой. Ни руки, ни ноги не слушались его. В углу стояла еще одна бутылка. Видимо, на опохмел. Ждала, когда клиент созреет.

Уведомление о том, что Таня подала заявление на развод, принесли и оставили в почте, не доставившись до адресата. Пашка его не видел. Но то, что он остался один и Таня уже не вернется, он понял. Перед уходом она сняла со стен все их общие фотографии. Рамки с красивыми фото, где они еще были счастливы, лежали на столе вниз лицом. А из стен торчали гвозди. Это все, что осталось от их прошлой жизни. Черные дыры и гвозди.

15 лет Татьяна боролась с зеленым змием за мужа. За мужа, которого любила. А он любил водку. Возили Пашку и в клиники кодироваться, и к бабкам-гадалкам. Татьяна вела беседы, уговаривала, умоляла, приводила примеры, осуждала. Было все. Все силы вложила. Но водка была сильнее. Да и сам Пашка трезвым понимал, что губит себя и семью. Давал обещания, врал себе, жене, детям.

Именно ради своих детей Татьяна приняла серьезное решение уйти. Рыдала от жалости к мужу, от обиды за свою жизнь, жизнь сына и дочери.

В доме Пашки отключили воду на все выходные. На двери подъезда висело объявление, где предупреждали жильцов о том, чтобы те сделали запасы. Авария на линии. Ремонт. Но Пашка, будучи который день в невменяемом состоянии, конечно, об этом не знал.

Драгоценные капли воды перестали капать для Васьки уже в пятницу вечером. Он терся об кран, лизал его со всех сторон. Ждал, надеялся и верил. Как Танька....

Ближе к обеду вторника в квартире Пашки раздался телефонный звонок. Начальник сообщил Пашке, что он уволен. Пашка молча выслушал, положил трубку и пошел в ванную. Воду уже дали. Она монотонно капала из сломанного крана в раковину. Приземление каждой капли казалось таким громким для Пашки, что было похоже на удары в бубен.

Пашка опустил тяжелую голову. На полу лежало бездыханное тело кота.

Васька тоже ждал, надеялся и верил. Как Танька....

Мается май, и в душе маята,
Самое время обнять кота,
Что, разомлев от беспечнейшей
лени,
Нагло мои обживает колени.

Дряблые хлопья за стылым окном,
Съёжилась птица – мокнувший гном.
Перенимаю кошачьи повадки –
Беды баюкать мурлыканьем сладким.

Злой, непогожей судьбы виражи
Мы замурлычем, наворожим
В кресле уютном под ласковым
пледом
Тихое счастье как вискас к обеду.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

Надвигается синь грозовая
В захолустные рощи-поля,
В эти кущи зелёного рая,
Где дождя ожидает земля.

Дождик ласковый, щедро пролейся
В плодородье цветущих долин
И раскатистым громом посмейся
Над пожухлостью майских осин.

До восторга страшна и приятна
Дождевая гремящая синь.
Из груди вдохновенной отрадно
Крикнуть встречное: «Гой ты еси!».

**Владимир Балахонов,
Нелидово**

Брызнул белым на черемухе цвет –
Позвала она назад холода.
Над рекой-Межой ленивый рассвет,
И течет-бежит, как время, вода.

Мокнут где-то рядом старые мхи.
Соловей притих на ветке в кустах.
Сочиняет, видно, дамам стихи.
А, быть может, заплутал в своих снах.

От черемух гибких речка в цветах.
Я в любви тебе признался давно.
Да черна-темна вода в омутах –
Неизвестно, что кому суждено.

По реке-Меже до Балтики путь,
Но до моря не доплыть лепесткам.
Хоть что прожито назад не вернуть,
Поцветут еще черемухи нам.

**Иван Кирпичёв,
Нелидово**

До ночи ехать по просторам...

БУДКА

Из всего станционного мира
С мириадами белых огней,
Я любил одинокую будку
В пору зимних, обрезанных дней.
Там путейцы промёрзшие руки
Над буржуйкой держали струной,
Только стрелочник зяб одиноко,
Управляя железной «страной».
Почерневший от сажи огромен –
Этот чайник сейчас закипит,
А на лист пролетарской газеты
Ляжет сало, будя аппетит.
В этой будке так хочется думать,
В этом тесном уюте мечтать,
И заснуть, и во сне удивляться,
Что в коммуне своя благодать.
Сотрясают кирпичную будку
Мотовозы, дрезины, краны, –
Я проснусь, и подумаю: Славно,
Что есть стрелочник – сторож страны!

**Юрий Назаров,
Осташков**

* * *

Пыль поднялась – и улеглась.
И нехотя скрипит телега.
Вот так бы до скончанья века
Катить вперед не торопясь.

Не веря солнечным часам
До ночи ехать по просторам
И улыбаться небесам,
Цветам, и людям, и озерам.

И, не стесняясь нипочем
Ни смолки алой, ни ромашки,
Сидеть на сене без рубашки,
О жизни говоря с конем.

Над головою – зуд слепней,
А выше – жаворонка песня.
И потому в душе моей
За стенкой сердца очень тесно.

Вдыхая запах трав неслышимый,
Замешанный с соленым потом,
Пою по журавлиным нотам:
«Мой милый край, я здесь не лишний».

**Валерий Линкевич,
Андреаполь**

* * *

Тебя обидели без повода –
Везёт на это простофилям.
А ты устрой обидам проводы,

Пока души не иссушили.

Уйди, умчишься в любую сторону
На непопутной электричке.
Пусть на перронах дым
махорочный,
Толпы простецкие привычки.

Жуют, смеются, плачут, молятся,
Тут все сестрицы или братцы.
Ты среди них не подневольница.
Обидам проще здесь теряться.

Воротись к домашней пристани –
В мирок паласов и паяцев –
Спокойной, праведной и искренней,
Готовой снова подставляться.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

КОЧУЮЩИЙ ВАГОН

Приветствую тебя, мой поздний
выезд
В глухую осень в поезде ночном!
Пусть табачный дым глаза мне
выест,
Как, собственно, и мир, бегущий за
окном.

Приветствую тебя, мой выезд
поздний!
Почти что бегство... От чего? К
чему?
И то, что было до, и то, что будет
после,
Пусть скроется вдали, пусть всё
уйдёт во тьму!

Пусть уйдут во тьму года и
полустанки,
Случайных разговоров чуть
эротичный флёр.
Пусть отойдут во тьму ловушки и
приманки –
Я ненавижу жизнь, когда она филёр.

Мне всё равно: кто – я, что я –
случайно вырос.
Попутчик-пассажир, ты значимей
меня...
Приветствую тебя, мой скорый
выезд;
Из тьмы небытия приветствую
тебя.

Я знаю: жизнь – едва ль длиннее
спички,

И ограничен мир привычным
коробком.

...Мелькают дни, года – вагоны
электрички.
Для каждого здесь дверь, и каждому
здесь дом.

Жизнь уместится здесь от альфы до
омеги.
Как метронома стук, – стакана
мерный звон.
Кати себе вперёд. Не думай о
ночлеге.
Единственная правда – кочующий
вагон.

**Юрий Смирнов,
Любино – Торжок – Маслово**

В ПУТИ

Вот лечу я по рельсам чугунным.
Ночь. Но водке ещё не конец.
Серебром отливают лунным
мною надкушенный огурец.

Световое чиня вредительство,
месяц скачет в вагонном окне.
Я сижу и ругаю правительство.
И забавно, и весело мне.

А напротив припухшим носом
в умозрительный тыча зенит,
бесконечности грозным вопросом
изогнувшись, попутчик храпит.

Я в ладонях судьбы и напитка.
И приятен, и лёгок мой путь.
И я думаю: что за попытка
Ехать трезвым куда-нибудь?

**Михаил Никоноров,
Андреаполь**

* * *

Дорога – на карте стрелка,
И купол бездонный неба.
Оставлена дома грелка,
Я зрелищ ищу, не хлеба.
Суставы под грузной тушкой
Поскрипывают натужно.
Поймёте ль вы, что старушке
Для счастья вот это нужно:
Дорога стрелой по карте,
Бездонного неба просинь...
Торопит меня на старте
Моя золотая осень.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**